

Викинги. Между Скандинавией и Русью

Автор:

Алексей Щавелев

Викинги. Между Скандинавией и Русью

Алексей Сергеевич Щавелев

Александр Анатольевич Фетисов

Всемирная история (Вече)

Хорошо ли мы знаем, кто такие викинги – эти великие и суровые воители Севера? Какую роль они сыграли в истории Руси? Уже написано немало книг о викингах, об их боевых походах и океанских странствиях – вплоть до Гренландии и Северной Америки. Но с каждой, неизвестной прежде сагой (а именно такая встреча ожидает читателя в этой книге!) мы открываем для себя заново забытый мир, в котором слагают свои песни седые скальды, и воины бестрепетно встречают смерть, зная, что им завещана светлая Валгалла.

А. А. Фетисов, А. С. Щавелёв

Викинги. Между Скандинавией и Русью

© Северянин А.С., Щавелев А.С., перевод на русский язык, 2009

© Щавелев А.С., Фетисов А.А., 2009

© Шинаков Е.А., Щавелев С.П., Щавелев А.С., Литовских Е.В., Фетисов А.А., Мурашева В.В., приложения, 2009

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

I. Предисловие

1. «Сага о йомсвикингах» как литературный памятник и исторический источник

«Сага о йомсвикингах» была написана около 1200 г. (но не позднее 1230 г.) на древнеисландском языке[1 - См. обзорную энциклопедическую статью: Halldorsson O. Jomsvikinga sage // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. P. Pulsiano. New York, L., 1993. P. 343-344.]. Но в этой саге описываются события X в., происходившие в Англии, Скандинавии и на южном побережье Балтийского моря. Это произведение полностью до сих пор не переводилось на русский язык. Отрывки из этой саги были пересказаны в книге А.Ф. Гильфердинга «История балтийских славян»[2 - Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. IV. СПб., 1874.], где представлена суммарная версия политических событий на Балтике в эпоху викингов, включая историю легендарного города викингов Йомс-борга. Небольшой отрывок из этой саги помещен в книге Т.Н. Джаксон[3 - Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993. («Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы»). С. 15, 226-227, 237.], в отрывке фигурируют лишь географические термины, связанные с этим последним регионом.

Кроме собственно «Саги о йомсвикингах», те же легендарные воины упоминаются также в других произведениях древнескандинавской литературы – «Саге об Олаве, сыне Трюггви», входящей в «Круг Земной» Снорри Стурлусона[4 - Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 119-125.], «Пряди о Стюрбьерне, шведском герое»[5 - Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993. С. 236-238.], хронике Саксона Грамматика, своде саг «Красивая кожа»,

«Саге о Кнютлингах», «Драпе о йомсвикингах» оркнейского епископа Бьярни Кольбейнссона, исландских родовых сагах. Ряд самых развернутых упоминаний связан с разными версиями «биографии» Олава Трюггвасона. Возможно, все эти отрывки и версии истории йомсвикингов восходят к одному сказанию[6 - Blake N.F. Introduction // The Saga of the Yomsvikings / Ed. by N.F. Blake. London, 1962. P. XV–XXI.]. Источником для последнего стали, видимо, прозаическая устная повествовательная традиция и скальдическая поэзия.

Перевод с английского осуществлен по изданию: The Saga of the Yomsvikings / Ed. by N.F. Blake. London, 1962.

Жанровая разновидность саги является предметом дискуссий, сага может относиться как к «сагам о древних временах», так и к «королевским сагам», но ряд исследователей отмечает, что она достаточно специфична, и предлагает назвать ее «политической сагой». С нашей точки зрения, такое определение несколько абстрактно и тавтологично, поэтому мы обозначим «Сагу о йомсвикингах» как «дружинную сагу».

Предлагаемый текст мы рассматривали как прекрасный повод познакомить читателя с миром дружин раннего Средневековья и более ранней древности, причем не ограничиваться хрестоматийными примерами и интерпретациями (вроде описаний Корнелия Тацита), а рассмотреть нетривиальные, еще не вошедшие в академический канон идеи, мнения, гипотезы и догадки. Часть из них, возможно, будет отброшена в ходе дальнейших исследований. Что касается собственно «Саги о йомсвикингах», то ее критическое издание и перевод оригинального исландского текста – дело будущего. Данная же публикация преследует исключительно художественные и популяризаторские цели.

Вторую часть книги составили научные «кейс-стади» вопросов, связанных с проблематикой изучения дружин и дружинной культуры: имени черниговского князя скандинавского происхождения, погребенного в знаменитом кургане Черная могила, специфических воинских амулетах, изображающих змея/дракона, роли элитных воинских формирований в становлении ранних государств, формулам клятв русско-византийских договоров, правовой культуре древнеисландского общества, образах «волшебных зверей» в сагах, фигурках «божков» – редком типе амулетов воинов раннего Средневековья.

Авторы-составители благодарят Сергея Никольского, и особенно Елену Литовских, за советы и подсказки по прояснению реалий жизни древних

скандинавов, переводу и транскрипции топонимов и прозвищ.

Идея перевести и прокомментировать сагу с учетом истории древнерусской дружины подсказана нам С.П. Щавелевым, ему авторы и посвящают эту книгу.

2. Событийная канва истории йомсвикингов

Сага отчетливо распадается на три части: предыстория появления Йомсборга, отражающая историю складывания Датского государства; история складывания братства йомсвикингов; битва при Хьерунгаваге и ее итоги. Первый и последний разделы содержат ряд фантастических элементов (эпических и сказочных мотивов и «бродячих сюжетов»). Второй же раздел отличается исключительно реалистическими описаниями характеров вождей дружины и обстоятельств их приема в нее.

Начало саги описывает первые века Датской державы, легендарное время, которое, с одной стороны, практически не освещено источниками, с другой – отдельные моменты, известные по сагам и хроникам, находят свое подтверждение в археологическом материале и иностранных свидетельствах[7 - См. одно из самых удачных популярных изложений древнейшей истории Скандинавии: Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2005.]. Рассмотрение меры историчности и вымысла каждого такого сообщения требует специального источниковедческого анализа.

Кульминацию и финал саги составляет описание сражения в заливе Хьерунгаваг. Точная датировка этой битвы остается невыясненной. Примерно дата сражения приходится на промежуток между 974 (в этом году Харальд Синезубый и ярл Хакон выступают как союзники против Германии) и 983 или 995 гг. Некоторые исследователи предлагают в качестве наиболее вероятной даты 994 г. В этой битве сошлись войска датчан и их союзников вендов (в том числе и йомсвикингов) и норвежское войско ярла Норвегии Хакона и его сына Эйрика. Битва произошла после ссоры конунга Харальда Синезубого с сыном Свейном и гибели Харальда. Именно в этой битве йомсвикинги впервые заявили о себе в качестве сильной боевой единицы. В этом столкновении вождь йомсвикингов Пальнатоки выступал на стороне Свейна Вилобородого. Поскольку битва произошла после гибели конунга Харальда, можно предположить, что

реальной причиной битвы при Хьерунгаваге стал очередной отказ ярла Норвегии Хакона выплачивать дань Дании, обусловленный гибелью его «сюзерена». Впрочем, с политической подоплекой мотивов вполне согласуется веселая «конспирологическая» интерпретация, рассказанная в «Саге о йомсвикингах», кстати, похожую версию излагает и Снорри Стурлусон. Победа норвежцев сделала ярла Хакона вполне самостоятельным и уважаемым правителем. Его правление закончилось только после возвращения в Норвегию Олава Трюггвасона, который сумел захватить престол.

В следующей крупной битве за норвежский престол снова «проявил себя» герой «Саги о йомсвикингах» Сигвальди, бежавший с места сражения против Хакона и притворно присоединившийся к Олаву Трюггвасону перед его битвой с воинством конунгов Дании и Швеции Свейна и Олава Шетконунга, а также ярла Норвегии Эйрика. Альянс трех правителей нанес поражение Олаву Трюггвасону, который прыгнул за борт и, судя по всему, погиб. Сигвальди же, обманув «своего» конунга, в битву так и не вступил и, видимо, перешел в итоге на сторону победителей. Эта битва «трех конунгов» датируется 999 или 1000 г.

В «Пряди о Стюрбьерне, шведском герое» рассказывается, что примерно в 990-е гг. (может быть, в конце 980-х гг.) власть в Йомсборге получил шведский викинг из королевского рода Стюрбьерн Сильный. После этого он во главе войска датчан и йомсвикингов пытался завладеть шведским престолом, но был разбит своим дядей шведским конунгом Эйриком Победоносным на полях Фюри рядом с Уппсалой. В этой битве Стюрбьерн погиб. История гибели Стюрбьерна построена на основе мотива вмешательства Одина, которому Эйрик приносит жертвы и обещает спустя десять лет после битвы явиться в Вальхаллу лично, т. е. принести в жертву и себя. Опустошение в рядах йомсвикингов производит «дождь из стрел Одина». Описание этой битвы во многом напоминает описание битвы при Хьерунгаваге. Видимо, в разных сагах отражалось общее мнение, что йомсвикингов можно победить с помощью колдовства и вмешательства сверхчеловеческих существ (троллей, колдунов, асов). Характерен и пассаж Снорри Стурлусона: «считалось большой поддержкой, если йомсвикинги присоединялись к правителю». Здесь же явно подчеркнут и исключительно независимый характер этого воинского объединения[8 - Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 158.].

Позже в Йомсборге «правил страной Вендов» Свейн, сын Кнута Могучего. Можно предположить, что к этому времени братства воинов-йомсвикингов в прежнем виде уже не существовало. Окончательно Йомсборг был разрушен конунгом

Магнусом Добрым в ходе кампании по усмирению данников-вендов и борьбе с пиратами. Этот поход наверняка положил конец существованию легендарной дружины. В аналогичной кампании Олава Святого против «викингов, которые с большими дружинами постоянно прибывали в походах, называли себя конунгами, хотя они и не правили землями», участвовал брат Сигвальди экс-йомсвикинг Торкель Высокий. Видимо, многие йомсвикинги перешли на службу к конунгам, часть, возможно, попала в войско Кнута Могучего и вошла в состав его «хускерлов»[9 - Корьев А.А. Наемная гвардия хускерлов короля Кнута Великого (к вопросу о структуре англосаксонской знати в первой половине XI в.) // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 3. Л., 1980. С. 21-26.]

Степень историчности многих событий и реалий, упоминаемых в «Саге о йомсвикингах», вполне понятно, вызывает сомнения и споры исследователей. Хотя именно та часть произведения, что посвящена образу жизни йомсвикингов и их обычаям, была интерпретирована А.Я. Гуревичем как художественная типизация реальных отношений и порядков дружинных лагерей Дании[10 - Гуревич А.Я. Походы викингов // Гуревич А.Я. Избр. труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. М. – СПб., 1999. С. 116–121; См. последнее издание: Гуревич А.Я. Походы викингов / Под ред. Т.А. Пушкиной. М., 2005. С. 75–86. Он же. Военные лагеря // Словарь средневековой культуры. М., 2001. С. 76–77.]. Исходя из данной «архетипической модели», мы вправе предположить, что эта сага дает нам редкую возможность увидеть если и не сами порядки, в действительности царившие в дружинных лагерях Скандинавии и Восточной Европы эпохи викингов, то, по крайней мере, тот идеал, к которому стремились тогда эти воины и их вожди.

II. Феномен дружины

1. Род и дружина – единство и борьба противоположностей

Древнее традиционное общество изначально строилось на разных формах родового коллективизма, основанного на строгом горизонтальном разделении социума на родственные кланы, фратрии, отдельные подгруппы. По социальной

вертикали коллективы дробились на возрастные классы и страты, в зависимости от опыта его членов, уровня личного влияния и степени вовлеченности в престижную экономику. Сама по себе родовая система отличалась редкой устойчивостью и способностью к регенерации после природных и военных катаклизмов. Даже после запуска механизмов политогенеза – процесса складывания государства, классового общества и конституирования систем господства – родовые структуры сохранялись в качестве низовой ячейки самоорганизации людей и лишь отчасти трансформировались в общинные формы коллективизма.

Наиболее адекватным определением понятия «род» является его расширительная трактовка, предложенная выдающимся советским этнографом С.А. Токаревым: «Род – группа людей, соединенных кровным родством и ведущих свое происхождение от общих предков». Род создавался на основе единства родственных («кровных») уз и определенной территории («почвы»), которые оформлялись символически с помощью мифов о предках (могучих зверях и великих героях), инициаций, обрядов перехода из одного возраста в другой. Повседневность родовой жизни была жестко регламентирована и подчинена единым циклическим ритмам, согласованным с природной средой.

Между тем внутри родового общества всегда существовал фактор дестабилизации, периодически возникали катаклизмы, ведущие к разрывам традиционных связей, провоцирующие отмену действующих норм и порядков. Практически с самых первобытных времен война (нападение на соседей, защита своей территории, опасные массовые охоты) и странствие (миграция племени, отселение молодых людей при перенаселении территории, поиск новых угодий) становились причиной смены форм власти и основными двигателями социальной мобильности. «Зов дальних странствий» и «дух воинственности» были ментальными разрушителями циклов жизни рода и вносили стохастический момент в социальные системы. Эта диалектика «рода» и «воюющего отряда», комитата, наверное, одна из древнейших социокультурных оппозиций, восходящих к глубокой древности, и коренящихся в еще этологической разнице людских характеров и психотипов[11 - Дольник Р.В. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб. – М., 2004.]. В германской мифологии такое противопоставление ярко проявляется в первоначальной конкуренции хтонических и лунарных божеств ванов (покровителей культа предков, аграрных циклов и семейной солидарности) и солярных героических асов, отличающихся отвагой и сексуальной распущенностью[12 - Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 107.]. Похожая дихотомия наблюдается в экзистенциальном выборе,

предложенном великому герою греков Ахиллу, который мог прожить долгую жизнь «статусного» мужа и царя или выбрать краткий век, полный славы и приключений.

Военные объединения мужчин и юношей вокруг самых опытных воинов и вождей вначале создавались только ситуативно, а военный поход был одним из элементов инициации, проверки готовности юношей выполнять мужские обязанности и защищаться от нападений чужаков. В принципе многие вполне уважаемые члены племени могли участвовать лишь в нескольких первых набегах и после вступления во взрослую жизнь не проявляли интереса к воинской славе.

Однако постепенно выкристаллизовывались сообщества индивидов, постоянно занимающихся военным промыслом (как правило, своеобразным «коллекционированием подвигов» и грабежом). Вопреки распространенному стереотипу их общественный статус в мирное время оставался не таким уж и высоким. Постоянный риск и высокая смертность делали военную стезю малопривлекательной с точки зрения общественной пользы, особенно когда речь шла о военном искусстве ради военного искусства. Принципиально ситуация менялась в периоды военной опасности и массовых вынужденных миграций. Именно в такие переломные исторические моменты воинские объединения становились постоянным институтом, устойчивой профессиональной группой, востребованной и почетной.

В качестве наиболее известных примеров можно привести рост престижа постоянных военных отрядов у индейских племен после столкновения с белыми колонизаторами (классическими примерами являются племена Северо-Востока и Великих Равнин Северной Америки). Не менее ярким историческим примером может служить история дружин древних германцев. Коренные изменения в военном деле у них произошли только после столкновения с Римской империей, что ярко отразилось в римских источниках. Сравнивая тексты Цезаря и Тацита, можно заметить, что на рубеже эр, т. е. в период между походами Цезаря и описанием германцев Тацитом (примерно 150 лет), у германцев оформился институт постоянной дружины[13 - Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 2003. С. 152–169.]. Практически ясно, что появление дружинной организации у германских племен на рубеже эр не было результатом эволюции общества, а было ответом на внешний «вызов» Рима. В кочевом мире Евразии таким постоянным вызовом было соседство с другой великой империей – Китайской, именно на ней оттачивалось военное

искусство гуннов (хунну), тюрков, монголов. Сходную эволюцию позже прошли славяне, начавшие с мирной колонизации Восточной Европы, обезлюдившей в хаосе Великого переселения народов, а закончившие созданием ярких дружинных культур антов и склавинов, попавших на «балканский перекресток»[14 - Седов В.В. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных государств и народностей. М., 1987. С. 16–22.], Великой Моравии[15 - Рутткан А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия и ее культурно-историческое значение. М., 1985. С. 143–159.], полабских протогосударств[16 - Именно с этим регионом в основном связаны немногочисленные славянские этнонимы, в которых отразились боевые (и охотничьи) характеристики – «лютичи», т. е. «лютые», «свирепые» и «вильцы», т. е. «волки»]. Сам процесс освоения славянами навыков войны тонко подмечен византийским писателем Иоанном Эфесским (VI в.): «И они \славяне\ обогатились и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать лучше, чем ромеи, \они\, люди простые, которые не осмеливались показываться из лесов и защищенных деревьями \мест\ и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно это – метательные копья». Аналогичная эволюция оценки военных способностей антов и склавинов видна из сравнения наблюдений византийских авторов VI в. Прокопия Кесарийского и Маврикия. Первый считал самыми опасными противниками Византийской империи вандалов, готов и гепидов; второй (примерно через 50 лет или более) – славян[17 - Нефедкин А.К. Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских источников) // Византийский временник. М., 2003. Т. 62. С. 79–91.].

Вторым путем военизации архаичного общества было создание постоянных воинских формирований при развитии политического строя, формировании репрессивного аппарата для государственной эксплуатации и подавления подданных, что вело к появлению вооруженной свиты вокруг первых лидеров[18 - Подробнее об этом см. статью Е.А. Шинакова в настоящем издании.].

Возвращаясь к Великому переселению народов, можно сказать, что для этносов Евразии, особенно европейских, этот период стал переломным, именно «война всех против всех» этого времени стала «повивальной бабкой» феодализма, истоком средневекового рыцарства и его культуры. На периферии классических феодальных государств, возникших на обломках Римской державы, вместо господства рыцарства утвердился более примитивный, но не менее эффективный дружинный строй. Рассматривая государства Евразии как одну «большую феодальную формацию»[19 - Bloch M. Pour une l'histoire comparée des sociétés européennes // Bloch M. *Mélanges historiques*. Paris, 1963. Т. I. P. 16–40;

Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972; Кобищанов Ю.М. Теория «большой феодальной формации» // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 5-17.], можно говорить о разных типах феодального строя: «рыцарском феодализме» (или вассально-ленном) стран Западной Европы, «дружинном феодализме» европейской северной и восточной периферии и «кочевом феодализме» Степи. Отметим в этой связи, что нами «феодальность» понимается не в качестве формационного определения или способа производства, а как универсальный тип властных отношений, политического режима, основанного на личных связях управляющих и управляемых, патерналистских и служебных отношениях внутри элиты и между стратами, наконец, феодальными являются определенные типы военной знати – рыцарство, дружина, орды «богатуров»[20 - Такое понимание феодализма см. в работах: Баландые Ж. Политическая антропология. М., 2001. С. 96-99; Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 429-440; Кареев Н. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? СПб., 1910. Ср.: Stenton F.M. The First Century of English Feudalism 1066-1166. Oxford, 1961.].

Главное же, что объединяло «богатуров» и «нойонов» степей, дружинников скандинавского мира и Руси и рыцарей Западной Европы – пристрастие к войне. Война была своеобразным интегралом «благородного образа жизни»[21 - Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 286-292; Харитонович Д.Э. Война в Средние века // Человек и война (война как явление культуры). М., 2001.], отличительной чертой элиты и почти главным смыслом жизни тех, кто считал себя «сословием» «сражающихся»[22 - Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М., 2000.].

2. Типы воинских объединений

Итак, разбирая генезис военных социумов, истоки военных отдельных, специальных формирований, видимо, надо искать в «мужских союзах» родоплеменного строя, частично сохранившихся и в более позднее время первых сложных вожеств и ранних государств[23 - См. подробнее: Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005.]. Мужские союзы зафиксированы этнографически в большинстве регионов мира[24 - Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.-СПб., 1999;]. В исторических источниках прослеживаются данные о воинских мужских союзах греков[25 - Андреев Ю.В.

Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.], скифов[26 - Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // Советская этнография. 1988, № 5. С. 38-48.], персов[27 - Ксенофонт. Киропедия. М., 1977. С. 290.], кельтов, более спорные материалы дает поздний славянский фольклор – былины и исторические песни[28 - Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. 97-99; Балушок В.Г. Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // Этнографическое обозрение. 1996. № 3; Коптев А.В. Fornicator immensus – о «гареме» киевского князя Владимира Святославича // Russian history / Histoire russe. Vol. 31. № 1-2. 2004. P. 1-37.].

Эти союзы существовали в качестве специфических мужских групп, кооптирующих всех достойных членов рода, проводящих инициации мальчиков, становящихся мужчинами, и вместе сражающихся. «Тайные союзы» были «тотальными институтами», в рамках которых происходила мужская социализация (инициация), формировалась культура маскулинности, идеология войны, установка на воинственность и ценностные ориентиры вооруженности[29 - Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.-СПб., 1999; Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы и социокультурные традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.]. Именно эта магма биологической агрессии, моделей brutального поведения, полуавтоматизированных стандартных реакций и типичных оценок, эмоций, переходящих уже в сферу бессознательного, ментального, сформировала субкультуру и этос «человека военного». Стоит подчеркнуть, что если с точки зрения структуры и принципов организации «протоармии» доисторической древности, конечно же, серьезно менялись с течением времени, то с точки зрения субъективно-деятельностных характеристик, функциональных моментов, связанных с осуществлением систематического насилия против «себе подобных», военные отряды всего мира во все времена демонстрируют яркие черты сходства. Точнее, типы военных организаций могут быть сведены к небольшому числу основных социологически и технически обусловленных вариантов, крайними полюсами которых были «массовая армия» и «элитная гвардия».

Дружина, как и рыцарство, была наследницей таких мужских «братств». Изначально, как уже было сказано, время войны было очень ограничено, особенно, сезонно, вступление на «тропу войны» было моментом выпадения группы людей из повседневной жизни, экстремальным опытом. Затем часть индивидов задерживалась в состоянии войны на более долгое время, чем то было необходимо для подтверждения их мужественности. Характерно сообщение римского историка Корнелия Тацита о германском племени хаттов, юноши которых в период инициации отращивают волосы до момента убийства

врага, а некоторые принимают обет носить железные обручи (еще, видимо, знак рабов и вообще низкостатусных личностей) до того, как совершат подвиг. Тацит уточняет, что многие хатты носят железный обруч воина до седин. Именно таких носителей этого знака можно считать уже профессиональными воителями, протодружинниками. Аналогичным образом индейцы Северной Америки носили различные амулеты (пояса, головные уборы), обладание которыми требовало отказа от бегства в бою или поведения «наоборот», которое предполагало наступление тогда, когда остальные воины отступают. Трансформированным мужским союзом может считаться греческая эфебея, в которой юноши готовились стать членами полиса и гоплитами. Единым союзом воинов были спартиаты, державшие в страхе периодических охот на людей (криптий) поработанных илотов[30 - Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 115-154.]. Недаром Арнольд Тойнби сравнивал отряды спартиатов со сторожевыми псами, а илотов и периэков с пасомым стадом[31 - Toynbee A.J. A Study of History. III. Oxford, L. - N.Y., 1948. P. 79-80.]. Такую же форму союза юношей имело конное подразделение целеров в Древнем Риме - их название происходило от слова *celeris*, т. е. «быстрые».

В скифо-сарматском и, шире, индоиранском мире союзы воинов-юношей и бойцов-мужчин, чьими тотемами были собаки и волки, играли едва ли не ведущую роль в воинской организации и в системе власти[32 - Гутнов Ф.Х. Ранние скифы. Очерки социальной истории. Владикавказ, 2006. С. 61-75.].

Устойчивость дружинной организации и рост влияния военных вождей происходят в случаях, когда существуют источники богатой добычи (развитые, но слабые соседи или пути транзитной торговли, т. е. возможности для систематического и в перспективе «институализированного» рэкета[33 - Об этом феномене см.: Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., 2002. Историк и политолог Чарльз Тилли определяет государственный аппарат в качестве «машины легитимного рэкета».]). В условиях высокой ликвидности военного дела и грабежа[34 - Латынина Ю.Л. Дар, грабеж и торговля: историческая условность границ // Знание - сила. 1995. Сентябрь.] все процессы политогенеза резко ускоряются. Итак, дружина (лат. *comitatus*) появляется по мере накопления в социуме индивидов с девиантным «супермужским» поведением. Появление нового социального слоя, касты спутников военного вождя, претендующих на власть и почести, требует новых форм идеологической консолидации и легитимизации - это добровольное объединение под началом вождя, взаимная верность, кооптация пассионарной молодежи, ритуал принесения клятвы, повышенная мобильность, особые внешние аксессуары,

культ оружия и силы.

Специфическим типом «боевого комитета» стало рыцарство Западной Европы. Virtuозное обобщение возможных истоков и протоформ средневекового рыцарства продемонстрировал Франко Кардини, отметивший, что класс феодалов в варварских королевствах Западной Европы сложился как специфическая социетарная группа конных тяжеловооруженных воинов[35 - Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.]. Техническими условиями появления рыцаря были появление особой породы коней, технологий сбруи (узды, стремя), специфических доспехов (кольчуга, пластинчатый доспех) и оружия (тяжелый меч, длинное копье). Одновременно был сделан социальный и даже социально-психологический выбор между всеобщей вооруженностью населения и «войны народных масс» (характерных и для Рима, и для варваров) в пользу войны элиты. Тяжеловооруженный человек на коне после обретения определенного мастерства становился на редкость эффективной боевой единицей. Вместе с тем одновременно ему требовались повышенные ресурсы для обеспечения своего участия в походах – несколько лошадей (боевых и тягловых), слуги, обслуживающие его, оруженосцы, страхующие его и восполняющие его слабые стороны. Необходимо было также оплачивать работу высококвалифицированных мастеров, без которых невозможно было получить подобающую экипировку. Однако опыт постримской истории показал, что такой супервоин часто превосходил по своим боевым качествам вооруженную группу людей, гораздо большую по численности, чем вся его обслуга. Но такой воин должен был быть постоянно в боевой готовности, единственным его занятием становились тренировки – турниры, охота, войны, распри с соседями (файды). Существовала единственная возможность дать ему необходимые ресурсы: выделить основной источник богатства того времени – земельные угодья. «А кому нужна земля без крепостных?», как заметил дон Румата Эсторский, герой романа братьев Стругацких. Этот знаменательный выбор был сделан в империи франков в VIII веке, скорее всего при Пипине Коротком, когда традиционные методы ведения войны германских племен оказались бессильны перед арабо-берберской агрессией. Один из самых самобытных процессов социальной стратификации был запущен. «Праздный класс» всегда сражающихся индивидов с повышенным уровнем экипировки и вооруженности оказался весьма эффективен и распространился в соседних королевствах на века. До появления пороха монополия рыцарей на насилие и власть была обеспечена.

Преимущество рыцарства над традиционными дружинами варварской военной демократии наиболее наглядно доказано битвой при Гастингсе в 1066 году. В предшествовавшей битве с викингами под предводительством знаменитого

Харальда Сурового при Стэмфордбридже войска англосаксонского короля Харальда одержали победу – здесь сражались две типологически близких пеших дружины, а вот конное рыцарство нормандского герцога Вильгельма Завоевателя сумело вскоре после этого вырвать победу у англосаксов. Похожий переход от тактики «морской пехоты» варягов к конным дружинам произошел в течение XI в. на Руси, когда оформление профессионального конного войска позволило русским князьям совершать походы в Степь и за XII век полностью подавить агрессию степняков-половцев. При Владимире Мономахе оборонительная тактика укрепленных линий, перехвата обозов степняков при их отступлении, стояние армиями на южных границах Руси дополняются и отчасти сменяются рейдами вглубь степи, ударами по кочевьям и «вежам» врагов. Поэтому тогда же окончательно оформляется технологически и заявляется символически всадническая субкультура[36 - Михайлов К.А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 93-103.] Древней Руси, распространяются культ воина-всадника св. Михаила, расширяется система мобилизации коней и людей, увеличиваются княжеские табуны[37 - Романов Б.А. Смердий конь и смерд (в летописи и Русской Правде) // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XXII. СПб., 1908.].

Таким образом, с исторической точки зрения дружина – предшествующая, периферийная, отчасти тупиковая ветвь развития военной элиты. Если рыцарство получало свое преимущество в большей мере технологически, то дружинники добивались преимущества психологического, культурного, морального. Готовность к смерти, суицидальное поведение и реальный суицид, повышенная солидарность, гипертрофированное возвеличивание определенных ценностей и доблестей отличали военную элиту варварского общества от прочей массы населения. Дружина как группа отборных воинов была зависима от определенных мифологик, без которых ее эффективность резко падала.

Исторически в дружинных государствах Северной и Восточной Европы постепенно обособились разные виды дружины[38 - О первой известной нам попытке классификации типов дружин см. Хлевов А.А. Феномен северной дружины // Проблемы социально-политической истории и культуры Средних веков. СПб., 1998. С. 43-44.]:

а) дружина вождя (конунга, князя) – ведущий тип;

б) отдельная дружина княгини или других представителей правящего рода (некая разновидность первого типа, тесно с ним связанная);

в) свободная дружина «воинов профессионалов», чаще всего временная, на период конкретного похода или этапа жизни своих членов, нередко совмещающих независимые военные действия с наемничеством и с торговлей (felag); ярким примером могут служить флотилии «морских конунгов» Скандинавии[39 - Лебедев Г.С. Конунги-викинги (к характеристике типа раннефеодального деятеля в Скандинавии) // Политические деятели Античности, Средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 44-53.].;

г) братство профессиональных воинов (вариант третьего типа, отличающийся, как правило, более длительным, а то и пожизненным обетом воительства, самоценностью магико-боевых аспектов дружинной культуры); именно о таком объединении и повествует «Сага о йомсвикингах».

Ближайшей аналогией последнего типа могут служить автономные группы греческих наемников, самостоятельно выбиравших стратегов и решавших свои дела, которых французский историк Ипполит Тэн метко назвал «странствующими республиками». Если дружинники, составляющие окружение властителей и фактически формирующие аппарат ранних государств, в большей мере были ориентированы на вертикальные связи со своим королем или князем, то в свободных дружинах преобладали горизонтальные узы братства.

Во всех типах дружин культивировался боевой дух, но «независимые» и полунезависимые дружины, не имеющие поддержки государственного аппарата, в большей мере тяготели к идеологии «смертников», «живых мертвецов», обреченных изначально[40 - Похожие психологические черты просматриваются у японских самураев, потерявших сюзерена, – ренинов.], в то время как в «государственных» гвардиях скорее ценилась верность вождю, сюзерену, прочность служебно-клиентельных отношений. Хотя, в реальности, разумеется, часто случалось наоборот – наемники проявляли завидную осторожность (о чем ехидно повествует «Сага о йомсвикингах»), а дружинники правителей сражались до конца.

В эпосе северных народов поровну воспеваются и верность конунгам, и бесстрашие, следование «северной этике мужества», предполагавшей опрометчивые и явно несуразные, но удалые поступки. Так, гимном верности может считаться датская поэма «Речи Бьярки», где центральный сюжет

составляет гибель в бою двух дружинников Бьярки и Хьялти у тела их убитого вождя Хрольфа. Мотив ответственности дружины перед вождем ярко звучит в финальных сценах поэмы «Беовульф», после того как стареющий конунг Беовульф был брошен своими воинами перед битвой с драконом.

Общим образцом для воинских отрядов Северной Европы и Руси (где дружина изначально формировалась на «скандинавской основе») было войско верховного аса Одина – эйнхерии, т. е. «люди одного войска». Считалось, что все павшие в битвах герои попадали в небесный чертог Одина – Вальхаллу, где они тренировались в воинском искусстве и пиروвали, готовясь выступить в час Конца Света против чудовищ хаоса. В позднем фольклоре эти представления трансформировались в рассказы о «дикой охоте» хариев – спутников Одина, несущих громы и ветер. В принципе мотив «вечно сражающихся» был достаточно популярен в эпосе скандинавов – согласно легендам были обречены на «вечный бой» отряды конунгов Хедина и Хегни (ночью после битвы валькирия Хильд – дочь Хегни и жена Хедина – воскрешает павших, и бой продолжается). Можно отметить вечную вражду Хундингов и Ильвингов (Ульвингов), которая, судя по этимологии названий этих династий, видимо, восходит к легендам об архетипическом противостоянии родов «собак» и «волков»[41 - «Одного могущественного конунга звали Хундинг. По его имени страна называлась Хундланд. Он был очень воинственен и имел много сыновей, которые воевали. Вражда и столкновения были между конунгом Хундингом и конунгом Сигмундом. Они убивали друг у друга родичей. Конунг Сигмунд и его род назывались Вельсунги и Ильвики» (Старшая Эдда // Западноевропейский эпос. СПб., 2002. С. 153). Последнее сообщение об этой вражде связано с Сигурдом, сыном Сигмунда: «У Сигурда была большая битва с Люнгви, сыном Хундинг, и его братьями. В этой битве пал Люнгви и все три брата». Сигурд вырезал кровавого орла на спине Люнгви, т. е. раскрыл спину, вывернул ребра в виде крыльев и вытащил легкие. См. подробнее: Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 403-404.].

Один – верховное божество языческого пантеона древних скандинавов, покровитель дружинников, «смотрящий» за битвами, пристрастный судья победы и поражения, хозяин «казарменного рая» Вальхаллы, куда попадают погибшие в бою воины[42 - Палссон Херманн. Единичное в «Саге о Гисли» // Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича. СПб., 2000. С. 253-266.]. Один – странник, поэт, колдун, некромант, воин, искатель мудрости, развлечений и приключений[43 - Карлейль Т. Теперь и прежде. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 1994. С. 6-37.]. Кроме эйнхериев, его окружают

берсерки (безумные воины, обладавшие сверхчеловеческой силой) и валькирии – воинственные девы, дарующие в бою победу. Он стоит вне морали; его мораль – власть и сила. Религиозный культ Вотана (Одина), который, по меткому замечанию средневекового хрониста Саксона Грамматика, воплощал бешенство, боевой «фурор», предполагал вечную готовность к битве или поединку, чем создавал необходимую атмосферу в воинских коллективах. С культом Одина связаны ритуалы человеческих жертвоприношений, жестоких казней, суицида и пыток (через которые прошел сам Один, повисевший девять дней на Мировом Древе с пробитым копьем боком). В «Саге о гутах» есть упоминание о культовом «одническом» союзе, товариществе «Кипятящих» жертвенное человеческое мясо[44 - Сага о гутах / Пер. с древнегютского и прим. С.Д. Ковалевского // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 307–311.]. Один всегда стремится узурпировать роли и функции других божеств, оттесняет их от власти, по сути, присваивает власть над асами и ванами. Так Один постепенно превращается из маргинального персонажа, «Отца ратей», «Отца Мертвых», «Повелителя Повешенных» в «Отца Асов» и «Повелителя Девяти Миров». Die Wilde Jagd, «Дикая охота Одина», сама по себе представляет союз отверженных воителей – вечно странствующее призрачное войско изгоев, преступников и самоубийц[45 - Ганина Н.А. Готская языческая лексика. М., 2001. С. 37–44.].

Одническая идеология играла роль психологического допинга профессиональных воинов. Крайний случай девиантного «однического» поведения демонстрировали отряды берсерков. Хотя, конечно, рассказы о них приобретали откровенно фантастические, мифопоэтические черты, полностью отрицать их «историчность» вряд ли возможно[46 - Ср. наивно-скептическую позицию: Либерман А.С. Германисты в атаке на берсерков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 г. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 119–131.]. Берсерком считался особо свирепый воин, способный на время впасть в боевой экстаз, неконтролируемую звериную ярость (сходную с ликантропией или амоком малайцев). Берсерки воевали без доспехов, раздевшись или облачившись в звериные шкуры, считалось, что они не чувствительны к боли, им не опасно железное оружие и огонь. Однако их можно убить камнями или деревянными дубинами, а после приступа ярости они становятся слабыми и заторможенными. Их специфические боевые способности вызывались психическими отклонениями или опьяняющими наркотическими напитками. Согласно этиологическому мифу, Берсерком звали внука легендарного полухтонического героя Старкада, дравшегося без доспехов. Подтверждением исторической достоверности сообщений о берсерках являются известия древнерусских летописей о том, что новгородские воины в критических ситуациях сражались спешившись, разувшись и сбросив одежду[47

- Судя по именованию и генеалогическим реконструкциям, многие новгородские боярские роды восходили к знатным скандинавским семьям, а судя по археологическим данным, престижная, особенно воинская, культура Севера Руси формировалась под прямым воздействием викингских образцов.]. Отряды берсерков сопровождали многих конунгов: легендарного шведского конунга Адильса, полупоэтического датского конунга Хрольва Жердинку и вполне исторического норвежского правителя Харальда Прекрасноволосого. Берсерков часто считают специфическим скандинавским феноменом, однако это явное недоразумение, греческие герои эпоса и раннелитературной традиции не менее подвержены боевому бешенству, экстатическим припадкам безумия (люсса, лютта). В безумие впадают Лик (Волк) – антагонист Геракла, сам Геракл, Орест, Ахилл, Аякс Теламонид[48 - Фрейденберг О.М. Миф и литература в древности. М., 1998. С. 388–391, 369, 396–400, 423; Косарев В.А. Гнев Геракла // Классическая филология на современном этапе. Сб. научных трудов. М., 1996. С. 92–100.].

Однако героическое сознание, героическая культура и идеалы воина строились не на столь экзотических образцах – центральной фигурой эпоса всегда являлся Герой, готовый с увлечением и удачью воевать в «здравом уме».

3. Феноменология героя

Эпическим персонажам, совершавшим подвиги, посвящено огромное число исследований, даже перечень сравнительно-исторических работ о структуре и чертах героической личности достаточно велик[49 - См. минимальную выборку наиболее доступных изданий: Боура М.С. Героическая поэзия. М., 2002; Жирмунский В.М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса // Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958. Отд. оттиск.; Клейн Л.С. Бесплотные герои: происхождение образов «Илиады». СПб., 1994; Колесов В.В. Древнерусский богатырь // Средневековая и новая Россия. Сб. статей к 60-летию И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 37–60; Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984; Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: СПб., 2005; Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1999; Халанский М. Южнославянские сказания о кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1894; Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о нибелунгах. М., 1960.]. Мы же сосредоточимся на чертах личности воителей, связанных не с мифологической архаикой (чудесное

рождение, героическое детство, ускоренное взросление, низкий изначальный статус или долгое бездействие и т. д.) и не на идеализированных аспектах их характеров, а на реалистических моментах, отражающих специфику социальной психологии дружинников.

Начать беглый анализ героического «габитуса» лучше всего с меткого афоризма филолога Томаса А. Шиппи, который констатировал, что мы, современные люди, сгодились бы в древнем обществе «разве что в рабы». Именно «бесстрашие», воля к победе, готовность к смерти отличала воинов древности, давала им пропуск в мир власти и силы. «Среда войны» не просто отпечатывалась на личности, откликалась синдромами и неврозами, она давала строительный материал для нее. Недаром, Г.В.Ф. Гегель вывел простую, но исключительно верную формулу архаичной власти – человек, способный поставить на кон игры свою жизнь, становится Господином, боящийся рискнуть жизнью – Рабом. Именно согласно такой диалектике и строятся модели поведения воинов.

Важнейшей чертой личности героя и «призом», за который герои готовы бороться, выходить на поединки, совершать поступки на грани суицида, идти в изгнание, является «честь и слава», определяющие его статус. Чаще всего эти абстрактные понятия материализуются во вполне земных вещах – дарах, долях сокровищ, месте за пиршественном столом, причастности к полюдю и прочим кормлениям, обладании красивыми женщинами, конями, другими престижными аксессуарами. Учитывая специфику социальных отношений, дружины изначально формировались из людей пониженного и приниженого положения – младших сыновей, сирот, изгоев, бродяг, пришельцев, прочих «отщепенцев». Таким образом, в борьбе за статусы включались механизмы психологической компенсации, восполнения ущербности. «Младшие» воины, таким образом, в эпосе маркируются чертами алчности, агрессивности, необузданности, злобности, они выходцы из маргинальных (пограничных) территорий и слоев общества. Так, Ахиллу были приятны только «вражда, раздоры да битвы», а Одиссей, хоть и стремился домой, все-таки любил странствовать. Грань между героем и преступником часто размыта, герои похожи обликом и нравом на монстров и чудовищ, с которыми они борются. Они выпадают из стандартных брачных и кровно-родственных уз, их удел – бесплодный секс, чаще всего они образуют временные пары с такими же отверженными девушками или товарищами по оружию. Геракла связывал роман с царицей амазонок Ипполитой, Тезей имел связь с амазонкой Антиопой, Сигурд (Зигфрид) любил валькирию Брюнхильду (вар. Сигдриву); связи с богатыршами-поляницами былинная традиция приписывала Илье Муромцу (от нее у него родился сын Сокольник) и богатырю Дунаю.

Исключительно точно подметил отсутствие идеализации в эпосе М.И. Стеблин-Каменский[50 - Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб., 2003. С. 437–441. Ср. несколько романтические возражения А.Я. Гуревича об «архаическом индивидуализме» и «моральности» Сигурда, которые исходят из популярного заблуждения о принципиальном расхождении ценностей и моральных устоев разных эпох и народов (Гуревич А.Я. Индивид и социум на Средневековом Западе. М., 2005. С. 52–59). Конечно же, аксиологический люфт, обусловленный культурно-историческими особенностями, всегда можно найти, однако базовые положения представлений о «добре и зле» вполне универсальны.], он обратил внимание, что самый знаменитый северный герой Сигурд обладал скорее не «силой духа», а «психической импотенцией», безразличием к себе и окружающим. Его судьба запрограммирована, и он слепо следует ей. Убивая врагов, он действует из засады, пытается противников-хундингов (вырезая «кровавого орла»), его мотивация – жажда славы и золота. Знаменитая ссора двух королей Гудрун и Брюнхильд, приведшая Сигурда к смерти, была спровоцирована его собственным хвастовством. Согласно С.М. Боуре, Сигурд действует, соотносясь с «инстинктивным стремлением быть великим воином», суть его героической природы – отсутствие сомнений и колебаний, готовность испытать свою силу, найти свой предел возможного[51 - Боура М.С. Героическая поэзия. М., 2002 С. 137–138.].

Вообще же, героические деяния достойны памяти и рассказов благодаря своему выдающемуся характеру, экстраординарности, а отнюдь не из-за высоких индивидуальных моральных качеств героев. Исключительные способности и навыки древних воинов ценятся и восхваляются сами по себе, а не в связи с какими-то абстрактными идеями и категориями. Поведение героев является примером чистого действия, механического бихевиоризма, не отягощенного эмоциональной подкладкой, рефлексией.

Второй маркер героя – Судьба, тесно переплетенная с целым клубком «удач» («фарта»), предсказаний, проклятий, обреченностей, амулетов и волшебных артефактов. Отчасти такая концентрация мистики вокруг героев объясняется общей тягой всех людей, чьи занятия связаны с риском, к различным формам суеверий. Кроме того, подобное программирование жизненного пути отчасти задает тон поведению воина, отчасти оправдывает его поступки и деяния, лежащие вне норм и морали. Здесь же стоит упомянуть различные практики боевой магии, оборотничества, ликантропии, на которые обречен герой. Часто герои оказываются заложниками внешних сил – богов, колдунов, волшебного оружия[52 - Противоречия сам себе, А.Я. Гуревич, с одной стороны, пишет о том,

что поведение древних героев гипертрофированно выражает идею индивидуальной свободы и независимости, с другой – справедливо считает само их поведение «интериоризованной судьбой» (Гуревич А.Я. Индивид и социум на Средневековом Западе. М., 2005. С. 52, 54). Между тем герой вполне функционален, выбор его «героического пути» столь же фатален, как и противоположные решения, предполагающие жизнь в другом статусе, – раба, крестьянина, ремесленника и т. д.]. Среди счастливых воинских примет в эпосе и ранних летописях называются, в частности: увидеть ворона, услышать волчий вой, встретить вооруженных воинов, но увидеть их раньше. Напротив, спотыкание человека или коня рассматривалось как знак неудачи.

Третий момент – Воля, способность идти наперекор Судьбе, сильным мира сего, сверхъестественным силам, готовность жить в состоянии обреченности, выживать в нечеловеческих условиях и оправляться от страшных ран. Проекцией такой «волюнтарной установки» является представление о неуязвимости героев. Неуязвимыми считались Ахилл, Аякс Старший, Сигурд сын Сигмунда («Роговой Зигфрид»), отчасти неуязвимостью обладал Кухулин, а Илье Муромцу была «смерть в бою не писана». Несколько раз выживал после страшных ран великий рыцарь Тристан.

Особое внимание герои уделяли также своему внешнему облику, атрибуты, аксессуары, украшения, амулеты составляли необходимый набор, маркирующий великих воинов. В меньшей степени героя отличала боевая ярость. Вся культура рыцарства и дружины была принципиально имажинарна – значимые действия и деяния сопровождались выразительными жестами, формульными восклицаниями, плачами, песнями. Непременной составляющей героического поведения было хвастовство, вызов, оскорбления противников и возвеличивание своих доблестей.

Большинство героев отличает праздность, активное «ничегонеделанье», в свободное от войн и походов время герои забавляются охотой, играми, соревнованиями. «Институт праздного класса» формируется именно на поздней стадии существования варварской культуры, в дружинной и рыцарской среде, когда своей кульминации достигает последовательно «хищнический уклад жизни»[53 - Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.]. Такой взгляд на мир был явно обусловлен самим образом жизни профессиональных воинов, которые не желают участвовать в производстве каких-либо благ, но готовы их присваивать и потреблять. Любая работа была для них наказанием и проклятием. Недаром дружинники сравнивали себя с волками и псами, а

полюдь и кормление воспринималось ими как право на долю продуктов «стада».

4. Дружинные лагеря – воплощенный миф

Замечательным мотивом саги о йомсвикингах является описание мощно укрепленного дружинного лагеря, куда не допускались женщины, чтобы не внести раздор в идеальный порядок общины воинов. Многие архитектурные детали этого описания, безусловно, являются литературным отражением и обобщением тех элементов, которые считались необходимыми для совершенного во всех отношениях военного порта того времени. Между тем топографически и археологически в Дании зафиксированы остатки такого рода военных поселений, которые могли быть прообразами Йомсборга. Самыми крупными были лагеря Треллеборг[54 - Примечательна этимология названия этого пункта – «город рабов», что, возможно, отражало низкий статус его населения, где проживали люди, принудительно мобилизованные, т. е. утратившие свою свободу. Так, «отнятие одалей» Харальдом Прекрасноволосым в Норвегии рассматривалось как порабощение всех людей. Аналогией этой ситуации может служить «нарубание мужей лучших» среди северных племен Владимиром Святославичем для заселения крепостей на южных рубежах Руси.], Аггерсборг, Фюркарт, Ноннебаккен[55 - Несколько лагерей исследованы в Нормандии, они связаны с подготовкой экспедиции Вильгельма Завоевателя в Англию.].

Согласно распространенной версии, датские лагеря связаны с системой циклопических оборонительных валов («Датский вал») и магистральной дорогой Дании – «Ратным путем». Важным элементом «Датского вала» была крепость Тюраборг, названная либо в честь бога войны Тюра, либо в честь супруги Горма Старого. По другой гипотезе, в них шла подготовка к походам в Англию, впрочем, оба варианта не являются взаимоисключающими. В любом случае эти лагеря объединяет несколько общих черт – все они представляют собой группы построек, обнесенные концентрическими валами, все они находятся вблизи от удобных гаваней или трактов. Все лагеря отличает строгий геометрически-выверенный план, ориентированный по сторонам света, и наличие нескольких симметрично расположенных ворот. В плане круглые лагеря очень точно разделены вымощенными дорожками на секторы, что свидетельствует о высоком уровне мастерства их «архитекторов» и дисциплине войска[56 - См.

подробнее: Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 2005. С. 77–80; Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2005. С. 380–388. В датских лагерях могло разместиться порядка 9000 воинов (Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 186).]. Постройки внутри лагерей представляют собой «длинные дома», т. е., по сути, казармы для войска. Учитывая, что могильник, например Фюркарта, в котором, по оценкам археологов, проживало порядка 400 человек, содержит всего 30 погребений, скорее всего, лагеря наполнялись войском только периодически, а воины в основном гибли в походах, что подчеркивает казарменно-военный характер поселения. В Треллеборге при этом зафиксирован исключительно низкий процент погребений стариков, женщин и детей, что вполне перекликается с данными саги о йомсвикингах о мужском составе воинской группы.

Рис. 1. Панорама Треллеборга

Лагеря функционировали на рубеже X–XI вв., т. е. в правление Свейна Вилобородого и его сына Кнута Могучего, возможно, эти войска стали опорой этих конунгов при завоевании Англии и создании мощнейшей империи Кнута. Но в принципе кольцевые укрепления были известны и в германском, и в кельтском, и в славянском мире. Традиция таких лагерей могла восходить еще к римским временам и архитектуре военных поселений римских легионов[57 - Ср.: Махалюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 174–188.], в основу геометрических расчетов при планировке лагерей использован «римский фут». Многодверным (540 дверей) амфитеатром представлялся викингам и их последний приют, рай-казарма – Вальхалла[58 - Число воинов-эйнхериев, названное в «Старшей» и «Младшей Эдде», 432 000 – явное преувеличение. А вот число выходящих из одной двери бойцов – 800 – вполне реалистично для одной дружины великого властителя.]. Возможно, кроме функциональных задач, лагеря еще мыслились их создателями как земные копии чертога Одина.

Дружинные лагеря, не в такой явной и яркой форме, известны и на Руси[59 - Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X вв. Київ, 2004. С. 307–311.]. Например, лагерь варягов-наемников киевского князя в Шестовицах под Черниговым, уничтоженный Мстиславом

Владимировичем Лютым в ходе войны со своим братом Ярославом Мудрым, кульминацией которой стала битва 1024 года при Листвене (по версии В.П. Коваленко). Это был финальный эпизод борьбы за наследство Владимира Святославича, очередное столкновение новгородского Севера, близкого Скандинавии, и «орбиты» Хазарии (кочевого мира). Дружина тьмутараканского князя Мстислава была сформирована из касогов, хазар и традиционных данников последних – северян. Именно столицу северян – Чернигов он с их же согласия занимает после отказа киевлян принять его власть. Ярослав же вышел на битву с войском, основу которого составили варяги под предводительством ярла (?) Якуна. Северные воины, уже не раз решавшие для Ярослава его политические проблемы, на сей раз были разбиты. Ярослав бежал обратно в Новгород.

На Руси, по наблюдениям Е.А. Шинакова, дружинные лагеря входили в комплексы разных урбоагломераций, объединявших населенные пункты различных функций – таковыми можно считать памятники Гнездово, Седнев, Лепляву, Левенку, Белгород. В качестве военных лагерей могли использоваться пограничные крепости и погосты, изначально ориентированные на сбор дани. Крупным дружинным центром и, возможно, дружинным лагерем можно считать град Плесненск (археологический памятник Подгорцы), отличающийся большой площадью укреплений и богатыми воинскими погребениями.

Рис. 2. Крепость Фюркат (реконструкция)

В этом отношении важно выделить памятники, включающие элементы «дружинной культуры» (раннегородские центры или торгово-ремесленные поселения), и пункты, на которые можно распространить функции, характерные для «дружинных лагерей». Для некоторых из древнерусских памятников такие функции прослеживаются достаточно уверенно (в том числе и археологически), для некоторых – лишь предположительно. По всей видимости, относительно древнерусского материала никогда нельзя будет говорить о «дружинных лагерях» как определенном «чистом», монофункциональном типе памятников[60 - Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X вв. Київ, 2004. С. 309.]. Можно лишь выделять типологическую близость к «дружинным лагерям» тех или иных центров, сочетающих в себе целый ряд

других сопутствующих функций. «Дружинные лагеря» в Древней Руси могли входить в состав крупных торгово-ремесленных, контрольно-административных центров и пограничных крепостей, о чем может свидетельствовать присутствие воинских погребений в некрополях этих памятников.

Рис. 3. Крепость Аггерсборг (реконструкция)

Любые ранние «военные государства» («military state»), тем более созданные на их основе империи, построенные на принципе постоянной экспансии, требовали создания мест концентрации профессиональных войск, их размещения и подготовки. В связи с этим и краали зулусов, и римские «марсовы поля», и «весенние поля» франков, и ставки ханов Степи (например, ставка аварского кагана «Ринг», т. е. «кольцо», уничтоженная Карлом Великим) демонстрируют черты сходства, обусловленные их функциональной близостью. Особо отметим индоевропейскую традицию возведения круглых укреплений, размеченных по геометрически строгой радиально-круговой планировке, самый известный памятник этого круга – городище Аркаим на Южном Урале. Археологические данные о планиграфии Аркаима и соседних 20 городищ полностью совпадают с описаниями города Вара, содержащимися в священной древнеиранской книге «Авесте». Архитектурный канон Вары, созданной, по легенде, царем Йимой, воплощался во многих памятниках (культовых, погребальных, фортификационных) индоевропейских народов, самый известный пример такого рода – столица древней Мидии Эббатана [61 - Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995; Медведев А.П. Авестийский город Йимы (к истокам мифологии древних сакральных центров) // Норция. Вып. 3. Воронеж, 1999. С. 149-159.].

Дружинные лагеря, предполагающие сбор огромных войск, всегда либо отличала временность, либо для целей подготовки войска использовались какие-либо «готовые» населенные пункты. Специализированные же места для войск чаще всего создавались в условиях постоянной внешней опасности и систематической военной экспансии. В Дании дружинные лагеря стали инструментом глобальной политики Кнута Могучего. Он железной рукой объединил Данию, Англию, Шлезвиг, Норвегию. Судя по всему, этот правитель собирался полностью подчинить своей власти и территории южного побережья

Балтики. На Руси золотой век дружины пришелся на время Святослава Игоревича и его сына Владимира. Святослав откровенно заявил программу империи с центром в Переяславце на Дунае и погиб, воплощая эту мечту, но оставил в наследство своим сыновьям мощнейший «инструмент» – «большую дружину»[62 - Об империи Святослава и ее политэкономических контурах см.: Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 208–229.].

Однако после отказа от планов покорения доступной ойкумены у князей и конунгов нужда в таких огромных количествах воинов исчезала, вместе с ними и опустели или были «перепрофилированы» дружинные лагеря. С XII века ни на Руси, ни в Северной Европе они не известны. Это отчасти объясняется тем, что массы дружинников в это время были заменены рыцарской конницей, наступило новое время феодализма.

5. Йомсвикинги как боевое братство

Дружинная среда изначально строилась на принципах военного интернационализма и социальной открытости (меритократических принципах отбора), однако дружины имели свою внутреннюю иерархию, связанную с возрастом, личными качествами, заслугами, опытом, отчасти происхождением ее членов. Северогерманские дружины подразделялись на две категории – «старших» и «младших». На материале англосаксонской поэмы «Беовульф» такая дихотомия просматривается особенно отчетливо[63 - Губанов И.Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб., 2004. С. 36–42.]. Конунг Хродгар, которому суждено было стать великим правителем дворца Хеорот, в молодости возглавлял отряд «молодых воинов», которые потом выросли и стали его дружинниками. То есть наследник престола превратился в конунга, а окружавшие его юноши выросли во взрослый элитный отряд. Сыновей Хродгара также окружают отряды «детей мужей», сидящие на пиру за отдельной скамьей. В «Младшей Эдде» подчеркивается, что среди дружинников, «домашней стражи», выделяются «старшие», «внутренняя дружина». Кроме того, противопоставляются «ярлы и херсиры», обладающие своими владениями, и дружинники, окружающие конунга.

На Руси такое же противопоставление видится в противопоставлении «мужей» и «отроков». Наиболее ярко такой дуализм дружины проявился в эпизоде «Повести временных лет», когда «мужи» князя Игоря стали завидовать «отрокам» воеводы Свенельда. Отроками назывались и спутники другого воеводы, Яна Вышатича. Возможно, отрядом юношей командовал и сын Свенельда Лют (Мстислав Лютый?), убитый на охоте молодым князем Олегом Владимировичем. Аналогичным образом противопоставлялись заимствованные полиэтничной средой «руси» термины «боярин»/«гридь», наслоившиеся на традиционное славянское обозначение юношей и мужчин [64 - Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.: Смоленск, 1995. С. 108–115.]. Позже древнерусская дружина стала трехчастной, т. е. стала подразделяться на бояр, мужей и отроков-гридей.

Рис. 4. Воин вступает в Валхаллу. Изображение на камне

Бинарное же разделение на «старших» и «младших» восходит еще к древнейшему разделению мужчин, прошедших инициации, и юношей еще неопределенного статуса (см. выше). Можно привести как гораздо более древние, так и более поздние примеры выделения отдельных дружинных отрядов «юных» бойцов. Таким отрядом в «Ригведе» были спутники юного царя Индры – Маруты [65 - Кулланда С.В. Царь богов Индра: юноша-воин-вождь // Ранние формы политической организации. От первобытности к государственности. М., 1995. С. 104–125.]. Дружина внестатусных воинов, навсегда оставшихся «юношами», описана Гомером. Это мирмидоны, возглавляемые Ахиллом [66 - Брагинская Н.В. Кто такие мирмидонцы? // От мифа к литературе. Сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 231–256.]. Мирмидоны, чья биография известна, – изгнанники и изгои. Эвдор и Менесфей – незаконнорожденные, Эпигей, преступник, убивший родича, Феникс, соблазнитель наложницы отца и вечный беглец. Неоднократно отмечается в былинах молодость русских богатырей (кстати, соперничающие с боярами, окружающими киевского князя) [67 - Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 97–99.]. Стоит также упомянуть германский воинский союз «эрулов» (герулов) – пожизненных наемников, профессиональных воинов, при этом знатоков рун и песен. Вовлеченное в круговорот Великого переселения народов племя герулов постепенно трансформировалось в касту «универсальных

солдат», которых отличала физическая сила («тяжесть»), боевая раскраска, способность к быстрому бегу. Их тотемом, от которого произошло само их название, был орел. В эпосе и истории эрулы стали нарицательным обозначением германской военной элиты, именно они задавали тон дружинной моде германцев[68 - Ганина Н.А. Герулы как воинская элита: к определению и этимологии термина // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2007. С. 41-45.]. Такими же культово-боевыми союзами «волков» и «псов» были согласно мифопоэтической традиции скандинавов Хундинги и Ильви́ги-Вельсунги (Ульвинги), которые вечно враждовали и выслеживали друг друга[69 - Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 252.]. Вождями этих кланов-союзов были Сигмунд и Хундинг. Хундинг владел «страной собак», и у него было много сыновей. У Сигмунда было четверо сыновей – от его сестры Сигни Синфьетли, а от валькирии (?) Боргхильд – Хельги и Хамунд. Последним сыном Сигмунда от третьей жены Хьердис был знаменитый Сигурд. Представители Ильвингов-Вельсунгов Сигмунд и его сын Синфьетли обладали ликантропической способностью обращаться в волков. Характерно, что четвертый сын Сигмунда, Сигурд, иносказательно называл себя «зверь благородный». А Хельги в конце концов убил Хундинга, хотя сам позже погиб от рук Дага сына Хегни, которому помогал сам Один, распря продолжалась.

Отметим, что для героического эпоса в принципе характерна двугеройность[70 - Баркова А.Л. Функции «младших героев» в эпическом сюжете. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2003.], при каждом старшем воителе присутствует младший помощник, который, впрочем, часто и является истинным героем, хотя и не реже он оказывается явным аутсайдером. Здесь в паре персонажей воплощались два названных социально-возрастных типа. Этот мотив «второго героя» стал общим местом героических сказаний и явно отражает дуальность реальных дружин. Кроме того, у всех великих, ключевых героев просматриваются черты младших, не обретших статуса мужчин. Таковы – Энкиду, Геракл, Персей, Ахилл, Кухулин, Сигурд, Беовульф, Роланд, Добрыня.

На фоне этих мифоэпических и исторических аналогий известия о йомсвикингах, независимых от конунгов, не прошедших в социальный класс «старшей дружины», объединенных в одно нестратифицированное братство со своим «уставом», выглядят не как книжная фантазия, а как отражение, обобщение опыта реальных воинских союзов раннего Средневековья, воспетых в эпосе.

б. «Сага о йомсвикингах» и ранняя древнерусская дружинная культура

Географическая и политическая ситуация, в которой возникла и существовала идея эпического Йомсборга, – общины-дружины бесстрашных и удачливых воинов-скандинавов в стране прибалтийских славян-вендов – явно сходна с положением некоторых других полиэтничных, военно-ремесленно-торговых поселений, а в особенности именно дружинных лагерей на территориях славян восточных. Приводимые ниже материалы «Саги о йомсвикингах» находят предположительные аналогии в древнерусском летописании.

Так, в одном из эпизодов саги вождь дружины викингов Пальнатоки получает от конунга территорию для постоянного базирования, а взамен обязуется защищать ее своими вооруженными силами. Похожая ситуация просматривается в эпизоде ПВЛ за 968 г., когда воевода Претич берет прежде всего левую сторону Днепра[71 - Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлова; отв. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 31–32. Далее: ПВЛ.], размышляя, стоит ли вмешиваться в осаду печенегами Киева на правом берегу.

В следующих эпизодах выбор «лучших» по каким-то критериям воинов среди претендентов на место среди йомсвикингов напоминает отбор киевским князем Владимиром Святославичем храбрых мужей среди варягов из нанятой им скандинавской дружины, которым он раздает в управление города[72 - «И избра от нихъ (наемников варягов) мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю (византийскому императору): „Се идути к тебе варязи, не мози их держати въ грае, Оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а семо не пушай ни единого“» (ПВЛ. С. 37). Последний совет князя прекрасно объясняет, почему большинство скандинавов и других наемников по мере становления единого государства на Руси в XI в. оказывались в пограничных крепостях и отдаленных пунктах сбора дани.]. В Англосаксонской хронике под 1018 г. сообщается, что Кнут Могучий после завоевания Англии распустил свою армию, оставив 40 кораблей лучших воинов. Похожим образом конунг в этой саге договаривается с предводителем йомсвикингов о выделении им места для поселения. Таким образом, речь идет о постоянной практике создателей первых государств в Северной и Восточной Европе, дистанцировавших полунезависимые отряды от своих столиц и торговых поселений. Отдельные дружинные лагеря являлись компромиссом, который позволял и удовлетворять потребность молодых государств в военной силе, и избегать издержек скопления

малоуправляемых воинов. Что случилось, когда это правило нарушалось, прекрасно иллюстрирует эпизод в Новгороде, произошедший в 1016 г.: «В Новгороде же тогда Ярославъ кормяше варягъ много, бояся рати, и начаша Варязи насилие деяти на мужатых женахъ. Ръкоша новгородцы: „сего мы насилья не можемъ смотрити“; и собращася в ночь, исекоша Варягы на Поромоне дворе»[73 - ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись Старшего и Младшего изводов. М., 2000. С. 174.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. обзорную энциклопедическую статью: Halldorsson O. Jomsvikinga sage // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. P. Pulsiano. New York, L., 1993. P. 343-344.

2

Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. IV. СПб., 1874.

3

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993. («Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы»). С. 15, 226–227, 237.

4

Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 119–125.

5

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993. С. 236–238.

6

Blake N.F. Introduction // The Saga of the Yomsvikings / Ed. by N.F. Blake. London, 1962. P. XV–XXI.

7

См. одно из самых удачных популярных изложений древнейшей истории Скандинавии: Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2005.

8

Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 158.

9

Корьев А.А. Наемная гвардия хускерлов короля Кнута Великого (к вопросу о структуре англосаксонской знати в первой половине XI в.) // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 3. Л., 1980. С. 21-26.

10

Гуревич А.Я. Походы викингов // Гуревич А.Я. Избр. труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. М. – СПб., 1999. С. 116-121; См. последнее издание: Гуревич А.Я. Походы викингов / Под ред. Т.А. Пушкиной. М., 2005. С. 75-86. Он же. Военные лагеря // Словарь средневековой культуры. М., 2001. С. 76-77.

11

Дольник Р.В. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб. – М., 2004.

12

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 107.

13

Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 2003. С. 152–169.

14

Седов В.В. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных государств и народностей. М., 1987. С. 16–22.

15

Рутткан А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия и ее культурно-историческое значение. М., 1985. С. 143–159.

16

Именно с этим регионом в основном связаны немногочисленные славянские этнонимы, в которых отразились боевые (и охотничьи) характеристики – «лютичи», т. е. «лютые», «свирепые» и «вильцы», т. е. «волки».

17

Нефедкин А.К. Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских источников) // Византийский временник. М., 2003. Т. 62. С. 79–91.

18

Подробнее об этом см. статью Е.А. Шинакова в настоящем издании.

19

Bloch M. Pour une l'histoire comparée des sociétés européennes // Bloch M. *Milanges historiques*. Paris, 1963. Т. I. P. 16–40; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972; Кобищанов Ю.М. Теория «большой феодальной формации» // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 5–17.

20

Такое понимание феодализма см. в работах: Баландье Ж. Политическая антропология. М., 2001. С. 96–99; Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 429–440; Кареев Н. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? СПб., 1910. Ср.: Stenton F.M. *The First Century of English Feudalism 1066–1166*. Oxford, 1961.

21

Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 286–292; Харитонович Д.Э. Война в Средние века // Человек и война (война как явление культуры). М., 2001.

22

Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М., 2000.

23

См. подробнее: Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005.

24

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.-СПб., 1999;

25

Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.

26

Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // Советская этнография. 1988, № 5. С. 38-48.

27

Ксенофонт. Киропедия. М., 1977. С. 290.

28

Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. 97–99; Балушок В.Г. Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // Этнографическое обозрение. 1996. № 3; Коптев А.В. Fornicator immensus – о «гареме» киевского князя Владимира Святославича // Russian history / Histoire russe. Vol. 31. № 1–2. 2004. P. 1–37.

29

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.-СПб., 1999; Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы и социокультурные традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

30

Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 115–154.

31

Toynbee A.J. A Study of History. III. Oxford, L. – N.Y., 1948. P. 79–80.

32

Гутнов Ф.Х. Ранние скифы. Очерки социальной истории. Владикавказ, 2006. С. 61-75.

33

Об этом феномене см.: Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., 2002. Историк и политолог Чарльз Тилли определяет государственный аппарат в качестве «машины легитимного рэкета».

34

Латынина Ю.Л. Дар, грабеж и торговля: историческая условность границ // Знание – сила. 1995. Сентябрь.

35

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

36

Михайлов К.А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 93-103.

37

Романов Б.А. Смердий конь и смерд (в летописи и Русской Правде) // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XXII. СПб., 1908.

38

О первой известной нам попытке классификации типов дружин см. Хлевов А.А. Феномен северной дружины // Проблемы социально-политической истории и культуры Средних веков. СПб., 1998. С. 43-44.

39

Лебедев Г.С. Конунги-викинги (к характеристике типа раннефеодального деятеля в Скандинавии) // Политические деятели Античности, Средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 44-53.

40

Похожие психологические черты просматриваются у японских самураев, потерявших сюзерена, – ренинов.

41

«Одного могущественного конунга звали Хундинг. По его имени страна называлась Хундланд. Он был очень воинственен и имел много сыновей, которые воевали. Вражда и столкновения были между конунгом Хундингом и конунгом Сигмундом. Они убивали друг у друга родичей. Конунг Сигмунд и его род назывались Вельсунги и Ильвиги» (Старшая Эдда // Западноевропейский эпос. СПб., 2002. С. 153). Последнее сообщение об этой вражде связано с Сигурдом, сыном Сигмунда: «У Сигурда была большая битва с Люнгви, сыном Хундинг, и его братьями. В этой битве пал Люнгви и все три брата». Сигурд вырезал кровавого орла на спине Люнгви, т. е. раскрыл спину, вывернул ребра в виде крыльев и вытащил легкие. См. подробнее: Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 403–404.

42

Палссон Херманн. Единичное в «Саге о Гисли» // Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича. СПб., 2000. С. 253–266.

43

Карлейль Т. Теперь и прежде. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 1994. С. 6–37.

44

Сага о гутах / Пер. с древнегутского и прим. С.Д. Ковалевского // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 307–311.

45

Ганина Н.А. Готская языческая лексика. М., 2001. С. 37–44.

46

Ср. наивно-скептическую позицию: Либерман А.С. Германисты в атаке на берсерков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 г. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 119–131.

47

Судя по именованию и генеалогическим реконструкциям, многие новгородские боярские роды восходили к знатным скандинавским семьям, а судя по археологическим данным, престижная, особенно воинская, культура Севера Руси формировалась под прямым воздействием викингских образцов.

48

Фрейденберг О.М. Миф и литература в древности. М., 1998. С. 388–391, 369, 396–400, 423; Косарев В.А. Гнев Геракла // Классическая филология на современном этапе. Сб. научных трудов. М., 1996. С. 92–100.

49

См. минимальную выборку наиболее доступных изданий: Боура М.С. Героическая поэзия. М., 2002; Жирмунский В.М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса // Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958. Отд. оттиск.; Клейн Л.С. Бесплотные герои: происхождение образов «Илиады». СПб., 1994; Колесов В.В. Древнерусский богатырь // Средневековая и новая Россия. Сб. статей к 60-летию И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 37–60; Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984; Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: СПб., 2005; Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1999; Халанский М. Южнославянские сказания о кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1894; Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о нибелунгах. М., 1960.

50

Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб., 2003. С. 437–441. Ср. несколько романтические возражения А.Я. Гуревича об «архаическом индивидуализме» и «моральности» Сигурда, которые исходят из популярного заблуждения о принципиальном расхождении ценностей и моральных устоев разных эпох и народов (Гуревич А.Я. Индивид и социум на Средневековом Западе. М., 2005. С. 52–59). Конечно же, аксиологический люфт, обусловленный культурно-историческими особенностями, всегда можно найти, однако базовые положения представлений о «дobre и зле» вполне универсальны.

51

Боура М.С. Героическая поэзия. М., 2002. С. 137–138.

52

Противореча сам себе, А.Я. Гуревич, с одной стороны, пишет о том, что поведение древних героев гипертрофированно выражает идею индивидуальной свободы и независимости, с другой – справедливо считает само их поведение «интериоризованной судьбой» (Гуревич А.Я. Индивид и социум на Средневековом Западе. М., 2005. С. 52, 54). Между тем герой вполне функционален, выбор его «героического пути» столь же фатален, как и противоположные решения, предполагающие жизнь в другом статусе, – раба, крестьянина, ремесленника и т. д.

53

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

54

Примечательна этимология названия этого пункта – «город рабов», что, возможно, отражало низкий статус его населения, где проживали люди, принудительно мобилизованные, т. е. утратившие свою свободу. Так, «отнятие одалей» Харальдом Прекрасноволосым в Норвегии рассматривалось как порабощение всех людей. Аналогией этой ситуации может служить «нарубание мужей лучших» среди северных племен Владимиром Святославичем для заселения крепостей на южных рубежах Руси.

55

Несколько лагерей исследованы в Нормандии, они связаны с подготовкой экспедиции Вильгельма Завоевателя в Англию.

56

См. подробнее: Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 2005. С. 77–80; Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2005. С. 380–388. В датских лагерях могло разместиться порядка 9000 воинов (Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 186).

57

Ср.: Махалюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 174–188.

58

Число воинов-эйнхериев, названное в «Старшей» и «Младшей Эдде», 432 000 – явное преувеличение. А вот число выходящих из одной двери бойцов – 800 – вполне реалистично для одной дружины великого властителя.

59

Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X вв. Київ, 2004. С. 307–311.

60

Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X вв. Київ, 2004. С. 309.

61

Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995; Медведев А.П. Авестийский город Йимы (к истокам мифологии древних сакральных центров) // Норция. Вып. 3. Воронеж, 1999. С. 149-159.

62

Об империи Святослава и ее политэкономических контурах см.: Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 208-229.

63

Губанов И.Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб., 2004. С. 36-42.

64

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI вв. М.: Смоленск, 1995. С. 108-115.

65

Кулланда С.В. Царь богов Индра: юноша-воин-вождь // Ранние формы политической организации. От первобытности к государственности. М., 1995. С. 104-125.

66

Брагинская Н.В. Кто такие мирмидонцы? // От мифа к литературе. Сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 231-256.

67

Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 97-99.

68

Ганина Н.А. Герулы как воинская элита: к определению и этимологии термина // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2007. С. 41-45.

69

Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 252.

Баркова А.Л. Функции «младших героев» в эпическом сюжете. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2003.

Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлова; отв. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 31-32. Далее: ПВЛ.

«И избра от нихъ (наемников варягов) мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю (византийскому императору): „Се идуть к тебе варязи, не мози их держати въ грае, Оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а семо не пуцай ни единого“» (ПВЛ. С. 37). Последний совет князя прекрасно объясняет, почему большинство скандинавов и других наемников по мере становления единого государства на Руси в XI в. оказывались в пограничных крепостях и отдаленных пунктах сбора дани.

ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись Старшего и Младшего изводов. М., 2000. С. 174.

Купить: https://tellnovel.com/ru/schavelev_aleksey/vikingi-mezhdu-skandinaviev-i-rus-yu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)